

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**XXV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**«ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»**

22–24 апреля 2009

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**Санкт-Петербург
2009**

СЕКЦИЯ 6.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КАВКАЗА
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF CAUCASUS

И.А.Абдуллаев
(Нахичеванский ГУ и Нахичеванский Лечебно-диагностический
Центр МЗ Азербайджана)
«Тибб-наме» («Книга по медицине») Мухаммеда Юсифа Ширвани

«Тибб-наме» («Книга по медицине») Мухаммеда Юсифа Ширвани является обобщенным источником знаний средневековых врачей Азербайджана. Являясь историком-компилятором, Мухаммед Юсиф Ширвани в 1124/1712 г. перевел на тюркский язык произведения своих предшественников – таких врачей, как Иса ар-Раги Тифлиси (XII в.), Сираджаддин Урмияви (XII в.), Ибн Кабир Хойи (XIV в.) и др. Произведение, названное Мухаммедом Юсифом Ширвани «Тибб-наме», состоит из 120 глав.

Будучи медиком своего времени, Ширвани в своей практике широко применял различные лекарственные вещества растительного, животного и минерального происхождения. В первом тюркоязычном труде по медицине средневековых азербайджанских ученых-медиков имеются специальные главы, посвященные лечению различных хирургических заболеваний. Из них особый интерес представляют главы, посвященные лечению обморожений, ожогов, глубоких, старых и незаживающих ран с помощью таких медикаментов, как «мазь от глубоких ран», «медовая мазь» и «заживающая мазь».

Лечению заболеваний желудочно-кишечного тракта посвящены главы «О лечении от икоты», «О лечении при болях в желудке, поносе и запоре», «(О лечении) при несварении желудка», «Как вызвать и предупредить рвоту», «О лечении желтухи», «О лечении геморроя» и др. Лечение таких заболеваний воспалительного характера, как фурункул, плеврит, болезни почек и мочевого пузыря, описаны в отдельных главах. Остановке кровотечений различного генеза, кровопусканию также посвящены отдельные главы. Особый интерес представляют главы, посвященные онкологическим заболеваниям различных органов.

Данный источник по истории азербайджанской медицины хранится под шифром М-162/9947 в Институте рукописей Академии наук Азербайджана и ждет дальнейшего совместного исследования со стороны врачей и востоковедов.

Г.Р.Азизова
(Филиал Дагестанского ГПУ, г. Дербент)
Христианство в Кавказской Албании при Аришакидах в V веке.

Исторические сведения о событиях первой половины V века в Кавказской Албании крайне скудны. В это время в Албании развитие феодальных отношений сопровождалось, с одной стороны, борьбой между царской властью, стремившейся к централизации, и князьями, пытавшимися обособиться, и, с другой стороны, между царской властью и духовенством, расширявшим свои земельные владения за счет царских земель. Персы, стремящиеся к контролю над странами Закавказья, держали в Албании сильные гарнизоны под предлогом защиты от северных кочевников и умело пользовались внутренними разногласиями, чтобы подчинить себе народы Закавказья, дотоле сохранявшие внутреннюю автономию.

В царствование Иездегерда I (339–420) положение Албанской Церкви улучшилось. Этот период был тяжелым для Сасанидов, во-первых, из-за обострившейся внутренней борьбы между царем и крепнущей знатью, и, во-вторых, из-за неблагоприятных международных отношений со среднеазиатскими эфталитами. В связи со сложившимся положением Иездегерд в борьбе с аристократией решил использовать помощь христиан, которым он дал целый ряд привилегий, даже в ущерб зороастрийской религии и ее служителям. Иранские христиане должны были служить для Иездегерда связующим звеном между ним и Византийской империей. Церковный Собор, созванный в Селевкии в 410 году, постановил объединить персидскую и византийскую Церкви и провел реорганизацию церковной иерархии. Такая политика Сасанидов по отношению к христианам в начале V столетия не могла не повлиять на положение Албанской Церкви, ведь Албания была политически связана с Персией.

В 438 году в Персии воцарился Иездегерд II, прославившийся своей настойчивой и жестокой борьбой с народами Закавказья. Тяжелая обстановка, сложившаяся при Перозе, ярко охарактеризована два века спустя Себеосом (VII век), который пишет: «В годы царствования персидского царя Пероза исчезли всякие власти и порядки, и христианские законы, и наступили такие бедствия, преследования и оскорбления нахараров, что они свергли с себя иго подданства».

Воцарившийся в Персии после Пероза Валарш «не нашел ничего в сокровищнице персидской, а землю опустошенной». Тяжелая политическая и экономическая обстановка, которая сложилась в Иране,

вынудили Валарша заключить с народами Закавказья мир и пойти на значительные уступки, в числе которых были восстановлены привилегии албанской знати и была объявлена свобода вероисповедания.

Д. Бугаев
(ВФ СПбГУ)

***Материалы «Собрания рукописей царевича Иоанна (Грузинского)»
как источник по истории грузино-осетинской дипломатики***

В центре доклада грузино-осетинские дипломатические отношения в конце XVIII века. Цель работы в том, чтобы выйти из парадигмы изучения межгосударственных отношений Грузии и поднять вопрос о внутренних грузино-осетинских контактах. К анализу привлекаются четыре документа из собрания Российской национальной библиотеки, составленные от имени деда и отца царевича Иоанна (1768-1830) Ираклия II (1720-1798) и Георгия XII (1746-1800): Жалованная грамота осетинам, проживающим в Ксанском ущелье, освобождающая их от налогов и обязывающая служить Ираклию II. Ерекле (Ираклий) II 07.06.1788; Жалованная грамота осетинам, проживающим в Лияховском ущелье. Ерекле (Ираклий) II 09.06.1788; Жалованная грамота осетинам, проживающим в Маграндо. Ерекле (Ираклий) II 09.06.1788; Дарственная грамота осетинам, проживающим в Чуртисхеви. Ерекле (Ираклий) II 1780-е гг. (Ф.941 Оп. II №№ 10, 11, 12, 13).

Несмотря на различия в русскоязычных названиях, а также разный формат и фактуру бумаги, все четыре документа содержат сходный текст, состоящий из следующих частей: титулатура, обращение ко второй стороне договора (осетинам), содержательная часть договора, заверения. Содержание титулатуры во всех четырех грамотах грузинского царя неизменно. Обращение к осетинам представлено рядом вариантов. Так, грамота № 10 адресована к «нашего единодушного единения осетинам Ксанского ущелья», № 11 – к «нашим единодушным ляховецким осетинам», № 12 – к «нашим единодушным маграндоецким осетинам», а № 13 – к «нашим единодушным осетинам Чуртисхеви». Помимо этого в грамоте № 10 используется отличная форма множественного числа слова «осетин». Грамоты имеют разных авторов, причем грамота из Ксани выполнена за пределами Канцелярии грузинского царя.

Анализ рассмотренных документов позволяет заключить, что в конце 1770-х годов грузинская сторона признавала существование на своей территории осетин в качестве национального меньшинства и развивала с ними дипломатические отношения. Однако культура

придворного делопроизводства в Грузии, касающегося грузино-осетинских отношений, находилась на довольно низком уровне.

Р.Р.Гашимов
(Филиал Дагестанского ГПУ, г. Дербент)
Отечественное кавказоведение
в поисках «виновников» Кавказской войны

Несмотря на то, что Кавказской войне XIX в. посвящено огромное количество исследовательской литературы, научных симпозиумов, конференций, все же приходится констатировать тот факт, что до сих пор отечественная наука не смогла выработать единого подлинно научного подхода к ее оценке. И причины этого кроются в том, что при исследовании данной проблемы довели и довлеют зачастую не научные мотивы, а политические и идеологические интересы, а отчасти и национальные моменты.

Отечественные кавказоведы заняты вопросом «Кто виноват?». И каждая из заинтересованных сторон: и последователи имперской традиции, и сторонники теории колониальной политики царизма на Северо-Восточном Кавказе пытаются ответить на этот вопрос в свою «пользу», хотя непонятно, в чем же состоит эта «польза».

Первые отмечают, что дореволюционная Российская империя – это не просто империя, а Империя без империализма, которая расширялась не имперским путем экспансии, а скорее выполняя задачи охраны своих рубежей. Кавказская война же – это проявление «закономерных сдвигов», связанных с развитием дофеодальных отношений в регионе.

Сторонники же второго направления считают Кавказскую войну закономерным ответом на жестокую колониальную политику царизма, в связи с чем она носила справедливый антифеодальный, антиколониальный, народно-освободительный характер.

Имеет место некоторая идеализация предводителей борьбы горцев и политики имама Шамиля. С другой же стороны, наблюдается тенденция оправдания отдельных негативных моментов, имевших место в политике царской администрации на Кавказе.

Такие диаметрально противоположные и однобокие выводы стали возможными вследствие наличия обширной, разнохарактерной и зачастую противоречивой источниковой базы.

Задача отечественного кавказоведения на современном этапе должна состоять не в поиске «виновных», а в стремлении создать подлинно научную картину событий первой половины XIX в. на Северном Кавказе.

Г.А.Джахиев
(*Дагестанский ГУ, Махачкала*)
Дискуссионные вопросы истории Северного Кавказа

В последние годы в советской историографии происходила с одной стороны идеализация политики царизма на Кавказе (якобы императоры были хорошими, на местах местные администраторы злоупотребляли властью, не выполняли указаний центра и т.д.), с другой – подчеркивалась только негативная сторона этой политики, произвольно освещались предпосылки движения горцев Северного Кавказа, его характера, оправдывалась колониальная политика царизма и т.д. Этой концепции придерживаются М.М. Блиев, В.Б. Виноградов и некоторые другие исследователи. По их мнению, причиной Кавказской войны является «набеговая система» – горцы сами виноваты в происхождении Кавказской войны.

Дискуссионными являются вопросы хронологии Кавказской войны. В последних исследованиях кавказоведа Ю.Ю. Клычникова имеют место, по нашему убеждению, ряд неверных оценок политики царской России на Кавказе, деятельности А.П. Ермолова. Требуется своего толкования термин «российскость», введенный в научный оборот школой В.Б.Виноградова. Требуется обоснования вывода Ю.Ю.Клычникова о том, что царская Россия считала народы Кавказа «своим историческим партнером», ставила «своей» целью межэтническое, социально-экономическое, политическое и культурное сближение с народами региона, что в северокавказской политике царской России преобладали мирные методы и в период правления краем А.П. Ермолова¹. Реальные события того периода опровергают это утверждение автора. Вывод автора: «Сам военный замысел Ермолова (если не считать просчета в сроках исполнения) был правильным, и это подтвердил опыт так называемой Кавказской войны, а отказ от ермоловской стратегии лишь затягивал кровопролитие и приводил к ненужным жертвам². Даже не говоря об известных сторонах деятельности этого генерала, укажем, что А.П. Ермолов нанес такой ущерб экологии Северного Кавказа, который до сих пор ощущается.

---

¹ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Ессентуки, 1999. С.118

² Клычников Ю.Ю. С.8.

Между тем в кавказоведении этот вопрос даже не ставится, не исследуется. Изучением этого вопроса занялись зарубежные историки.

По нашему мнению, эти и другие проблемы в современном кавказоведении ставят вопрос о целесообразности проведения Всероссийской научной конференции по этому вопросу.

Э.Г.Джахиева
(*Дагестанский ГУ, Махачкала*)
Иранская историография истории Кавказа

Критический анализ иранской историографии показывает, что в ней доминируют консервативные тенденции историографии Ирана 30–50-х гг. XX в., утверждавшие «извечную агрессивность» России против народов Востока¹. Ряд исследователей объективно оценивают политику Англии и Франции в отношении Ирана в XIX в. Однако большинство историков, в том числе и современных, заимствуя у западной историографии пресловутую версию об «извечной агрессивности» России, освещают ее политику по отношению к Востоку только с отрицательной стороны, приписывают ей стремление «истребить всех мусульман, поглотить не только Кавказ, но и достичь до Персидского залива и Индии». Х. Моэзи придерживаясь версии о стремлении России достигнуть зоны Персидского залива и Индии через Иран, излагает всю историю российско-иранских отношений, начиная с XVIII в. Али Акбар Бина делит всю историю российско-иранских отношений на два периода: первый период – до начала XVIII в., когда преобладали торговые, мирные отношения; второй – от 20-х гг. XVIII в. до 1917 г. Второму периоду, по утверждению А.А. Бина, характерна «непрерывно растущая агрессия России против Ирана». Такое положение сохранилось в течение двух столетий, т.е. с 1722 по 1917 гг., и закончилось падением династии Романовых. При этом он оправдывает агрессивную политику Ирана в отношении Кавказа.

Официальной иранской историографии 40–50-х гг. XX в. были

---

¹ Фируз Казим-заде. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии, 1864–1914 (пер. с перс. яз.). М., 2004; Моэзи Х. Тарих-е равабет-е сийасий-е Иран ба дон-йа. Т. II. Техран, 1945; Бина А.А. Тарих-е сийаси-йе дипломаси-йе Иран (1722–1828). [Политическая и дипломатическая история Ирана. От Голнабада до Торкманчая (1722–1828)]. Т. I. Техран, 1954; Бахши А.Т. Равабат-е Иран ва Руссие (1800–1850). [Связи Ирана с Россией (1800–1850)]. Тебриз, 1958; Нафиси С. Тарих-е эджтеман ва сийасий-е Иран. [История политических отношений Ирана]. Техран, 1953, и др.

свойственны фактографичность, толкование событий через призму паниранских позиций. Отличительной чертой иранской историографии является ее зависимость в отношении фактического материала и особенно в выводах от западной историографии. Правда, в новейших исследованиях иранских историков страны Запада уже не выступают в роли «покровителя», «защитника» стран Востока от «русской угрозы». Они разоблачают двуличную политику западных стран, использовавших Иран, как «шайбу в хоккейной игре».

Современные историки Ирана Э. Ханак, С. Нафиси и др. в своих работах обращаются к исследованиям российских ученых. Так, например, Э. Ханак в своем труде ссылается на работы российских историков и кавказоведов советского периода, в частности, на труд А.Р. Иоаннисяна. К российским источникам обращается также и С. Нафиси.

И. Ф. Казымбейли

(Нахичеванский ГУ, Азербайджан)

***Вытеснение тюрков-азербайджанцев с исторических земель
Западного Закавказья в современной национальной историографии
Азербайджана***

В современной азербайджанской историографии большое внимание уделяется изучению архивных материалов начала XX в. и советского периода о судьбе тюрков-азербайджанцев на исторических землях Западного Закавказья. Одним из вопросов, который нашел широкое отражение в азербайджанских историографических исследованиях в постсоветский период, связан с вопросами формирования национальной территории Азербайджана и вытеснения азербайджанского населения из целого ряда глубоко тюркизированных областей Закавказья во времена Российской империи и в советский период.

В середине XVIII в число 18 независимых и полунезависимых ханств на территории Азербайджана входило и Эриванское ханство. Территория ханства охватывала Агринскую (Аралатскую) долину, бессейн озера Гейча и земли к юго-западу от реки Аракс. Территория ханства была разделена на 12 магалов. Население состояло главным образом из азербайджанцев и небольшого числа армян, которые занимались земледелием, садоводством, бахчеводством и животноводством.

На основе Гюлистанского договора, заключенного между Россией и Ираном 12 октября 1813 г., Эриванское ханство перешло под контроль Ирана, а по Туркменчайскому договору от 10 февраля 1828 г. – в подчинение России. В результате продолжительных

русско–иранских и русско–турецких войн были разрушены азербайджанские села, уничтожена часть мирного населения, многие жители согнаны с исторических земель. В борьбе на Кавказе победила Россия, и территории Эриванского и Нахичеванского ханств вошли в состав России.

В этот период армяне предпринимали попытки создать свое армянское государство и в этой связи неоднократно обращались к России. Выполняя просьбу армян, Россия 21 марта 1828 года создала «Армянскую область» на территории Эриванского и Нахичеванского ханств. По переписи 1828 года населения «Армянской области» состояло из 118.650 человек. Из них 81.749 человек – азербайджанцы, 25.131 – армяне и 11.770 – представители разных иных национальностей.

В результате переселенческой политики царской администрации на Кавказе в XIX в. число армян в регионе значительно увеличилось. В последующем в Закавказье под влиянием «армянского лобби» в Петербурге и Закавказье несколько раз проводились административно-территориальные преобразования: образованная в 1828 г. «Армянская область» была преобразована в 1840 г. в Эриванский уезд, а в 1849 г. – в Эриванскую губернию, которая просуществовала до 1917 года. Коренные жители Эриванской губернии – азербайджанцы – постепенно были вытеснены с этих земель. В результате, на сегодняшний день число азербайджанцев в Армении является весьма незначительным. Параллельно с процессом вытеснения тюркского населения, азербайджанские названия районов, городов и сел были изменены на армянские. Таким образом, поэтапно претворялась в жизнь идея создания «Великой Армении», коренным образом изменившая этнический состав населения на рассматриваемой территории.

Дж.М.Маламагомедов

(Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала)

Новые источники по арабграфическим письменным памятникам народов Дагестана

(на материале отдела рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН)

Как известно, вплоть до установления Советской власти, а частично и в первые годы социалистического строительства, в Дагестане арабский язык и арабское письмо в определенной степени выполняли функции государственного языка и письма. На арабском языке велось обучение учащихся в мусульманских школах, делопроизводство в административных учреждениях и т. д. Изучение и

знание арабского языка к началу XX в. было более широко распространено в Дагестане, чем в большинстве мусульманских стран с неарабским населением.

В переписанных в XVIII–XIX веках и в начале XX столетия арабоязычных рукописных сборниках содержится большое количество текстов отдельных произведений, написанных на разных языках народов Дагестана.

Анализ их содержания показывает достаточно большое тематическое разнообразие рукописей. В их составе имеются словари арабского, тюркских, дагестанских и других языков, переводы с арабского языка произведений различного содержания, поэтические и прозаические произведения дагестанских авторов, фольклор, трактаты религиозного содержания. Среди этих текстов особенно много песен религиозного содержания.

В тематическом отношении произведения отличаются разнообразием – имеются как любовные, философские, так и сатирические и бытовые стихи, отличающиеся высокими художественными достоинствами и ярко отражающие дух и воззрения своего времени.

Почти все сочинения на языках народов Дагестана, тексты и фрагменты находятся в рукописях, содержащих целые арабоязычные тексты.

Такие сведения, как название арабоязычного произведения, его автор, переписчик и дата переписки (или написания), в большинстве случаев взяты из Инвентарной книги отдела Рукописей Института ИАЭ ДНЦ РАН, фонды 14, 16, 30. [5].

Все эти рукописи и записи являются ценными источниками для изучения истории зарождения и развития арабографической письменности на языках народов Дагестана.

А.Е.Музыка

(Одесский НУ, Одесса)

Кавказоведческие исследования Симона Лукича Авалиани

(1881–1922)

В начале XX в. в Одессе существовало небольшое, но достаточно заметное грузинское сообщество, которое преимущественно состояло из студентов и преподавателей Новороссийского университета (НУ). Одним из ярких представителей этого сообщества был С. Авалиани – единственный одесский кавказовед того времени. В 1900–1904 г. он учился на историко-филологическом факультете НУ. Его учителем был известный историк И. Линниченко. В круг интересов профессора не

входило кавказоведение, поэтому С. Авалиани в основном изучал историю Московского государства. Однако, на одном из семинаров он прочитал реферат «Законодательство грузинского царя Вахтанга и Уложение Алексея Михайловича». В начале 1910-х годов С. Авалиани опубликовал первые результаты своих кавказоведческих исследований на страницах «Известий» Одесского библиографического общества.

Главным достижением ученого стал библиографический указатель работ, посвященных крестьянскому вопросу на Кавказе, в том числе отмене крепостного права во второй половине XIX в. Именно эту тему он избрал главным предметом своих кавказоведческих исследований. На основе многочисленных опубликованных актов С. Авалиани впервые проследил особенности аграрного вопроса на Кавказе, процесс проведения крестьянской реформы. Он подготовил магистерскую диссертацию на эту тему в 3 томах, которую успешно защитил в Петрограде. В дальнейшем С. Авалиани написал еще два тома.

Еще одним направлением кавказоведческих исследований С. Авалиани была культурология Кавказа (язык, быт, обычаи). По мнению ученого, история Кавказа имеет важное значение для сравнительно-исторических исследований, в частности – установления специфики феодализма в различных регионах мира. Научные работы С. Авалиани отличались сугубо позитивистским подходом и не демонстрировали концептуальной и идеологической ориентации автора. Грузинским патриотизмом проникнуты его многочисленные публицистические статьи 1910-х годов в либеральной прессе и брошюры. С. Авалиани исходил из принципа самоопределения наций, выступал за независимость кавказских народов. В целом, в заслугу ученому следует поставить популяризацию истории и культуры Кавказа. В 1919–1922 г. С. Авалиани издавал популярные очерки всемирной и грузинской истории на грузинском языке. Большинство его научных работ сохраняют значение классических и в современном кавказоведении.

С.А. Сулейманова

(ИВ НАН Азербайджана, Баку)

***Институт «хранителей границ» на Кавказе по местным
археографическим материалам***

В XVI–XVIII вв. на границе Азербайджана, Грузии, Дагестана существовал союз Джар-Тальских обществ. Представляя организованную боевую силу, это влиятельное во всем Закавказье военно-политическое образование традиционно исполняло роль «хранителей границ», что при наличии архаичных форм и структур являлось анахронизмом для своего времени. Статус «хранителей границ»

позволял вольным обществам сохранять свою независимость при номинальном принятии власти централизованного государства и получать от него права на владения («ульке», «кешкель») и денежные средства за военную службу.

Об этом свидетельствуют как сообщения Ханвея, Гамбы и представителей русской историко-этнографической науки, так и местные источники – «Летопись Джара», хронологические записи, письма и документы на арабском языке, османские фирманы, где Джар-Тала предоставляются владения для «кормления» за охрану области от набегов дагестанцев и за участие в походах. Россия признавала их «кешкельные» права по шахским и османским фирманам и предъявляла им те же требования.

Источники сообщают, что на подвластных крестьян также возлагалось содержание «горных караулов». Возможно, термин «кешкель», который означал выделенный крестьянам участок земли или же натуральный налог – арендную плату, изначально был связан с этой караульной («кешик») службой, что являлось пережитком института марзбанства. Можно предположить, что между джарцами и кахетинскими крестьянами издавна существовал союз «джар» («защита»), означающий одностороннюю обязанность предоставления убежища между различными кровнородственными группами, что может служить одной из причин побегов крестьян в свободные земли Джара.

Джаро-Белоканские общества фактически несли функцию наемного войска и арбитража в конфликтах ханств. «Картлис Цховреба», «Карабах-наме» и другие источники, арабоязычная переписка между ханствами и т.д. сообщают о временном или постоянном нахождении джарского войска в Карабахском, Ширванском ханствах, в Грузии. О.Н.Константинов пишет, что «все беглербекства, ханства, пашалыки» и грузинские цари призывали джарцев к себе на службу.

Чтобы проследить преемственность традиции, их можно соотнести с «шакирийя» («наемники»), они же «неверные Херии», или «люди куни» у Мунеджим-баши, которые нанимались на военную службу как абхазскими, грузинскими царями, так и ширваншахами. «Люди куни», состоявшие из нескольких селений, отождествляются с «дидебулами страны Эрети» грузинского источника.

Т.А. Узденов

(Карачаево-Черкесский ГУ, г. Карачаевск)

Мусульманская эпиграфика Карачая как исторический источник

Западный Кавказ по сравнению с Дагестаном не так богат памятниками мусульманской культуры. Тем не менее, в горной полосе Карачая расположено большое количество мусульманских эпиграфических памятников (несколько сотен) на арабской графике, которые почти не изучены. С целью начала систематического и комплексного изучения мусульманской эпиграфики Карачая летом-осенью 2008 года была организована экспедиция временной исследовательской группы из Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева в рамках гранта, поддержанного РГНФ.

Несмотря на то, что большинство памятников безвозвратно утеряно в XX веке, экспедиции удалось обнаружить и зафиксировать более трехсот пятидесяти мусульманских эпиграфических памятников, написанных на арабском, османском, северокавказском тюрки, большая часть которых представляет интерес для исторической науки и требует дальнейшего исследования с подробным описанием и прочтением с историческими комментариями. Так, известные уже фрагменты куфических надписей, с мусульманской формулой единобожия, обнаруженные в Н. Архызе и датируемые X веком, позволяют ставить вопрос о возможном проникновении ислама в Аланию уже в раннее средневековье, который впоследствии был вытеснен христианством.

Даже довольно поверхностное исследование некоторых зафиксированных нами памятников позволяет пересмотреть точку зрения относительно хронологии начала активной исламизации Карачая. Устоявшаяся в исторической науке точка зрения о том, что в Карачае ислам стал распространяться с конца XVIII века, легко опровергается эпиграфическими данными.

Зафиксированный материал позволяет проследить эволюцию развития арабского письма в Карачае, получившего широкое распространение на Северном Кавказе. Куфические надписи не представлены широко в Карачае, за исключением известных фрагментов X века из Н. Архыза. Памятники XVII – 1-й пол. XIX в. почти все написаны почерком *насх*, причем по мере усиления позиций ислама в регионе, с появлением грамотных катибов сам стиль письма совершенствуется, письмо становится более грамотным, роскошным, непринужденным. Со второй половины XIX века, особенно с начала XX века, появляются надписи смешанным почерком *насх* и *сульс*. Обнаружено даже несколько надписей с частичным использованием почерка *рика* и *дивани*. Некоторые из них представляют замечательные

образцы высокоразвитого каллиграфического искусства по мастерству исполнения, не уступающие лучшим ближневосточным надписям.

Даже поверхностное описание обнаруженных памятников позволяет сделать вывод о том, что в XVIII–XIX веках в Карачае получила распространение не только арабская письменность, но и своя национальная – на основе арабской графики. Она способствовала не только исламизации региона, но также обогащению местных народов культурным наследием Ближнего Востока, с одной стороны, и усилению культурной интеграции народов Северного Кавказа, с другой.

А.М. Фарзалиев
(ВФ СПбГУ)

Южный Кавказ в трудах османских авторов XVII в.

В изучении осmano-сефевидского соперничества на Южном Кавказе турецкие нарративные и документальные источники занимают особое место и имеют важное значение.

В османских военных походах в Южный Кавказ в конце XVI – начале XVII вв. участвовали многие известные турецкие историки того времени. Среди них были Али-эфенди, Мустафа Селяники, Рахимизаде, Мехмет Челеби, Асафи, Катиб Челеби, Ибрагим Печеви. Остались многочисленные свидетельства современников, писавших о событиях тех лет. О них можно судить по полученным от кятибов письмам из армии, отчетам главнокомандующих, победным реляциям и свидетельствам участников военных походов.

Османские историки-летописцы в своих сочинениях в зависимости от осведомленности и личных наблюдений передают множество любопытных сведений о странах Южного Кавказа. Среди османских источников особое место занимают также дневники (руз-наме) военных походов. Один из них под названием «Дневник похода Султана Мурада IV на Реван и Тебриз», составленный участником похода – анонимным автором, посвящен завоеванию османами Еревана и Тебриза. В дневнике подробнейшим образом описаны ход военных действий, состояние армии, дано подробное описание крепостей и др.

Однако были также и официальные историографы Османской империи, оставившие после себя многочисленные труды, отражающие интересы и взгляды правящих кругов своей страны. В этих сочинениях турецкие авторы главное внимание уделяют военно-политической истории описанного периода. Вместе с тем многие османские историки-летописцы, путешественники, географы, особенно те, кто участвовал в

военных походах, сообщают ценнейшие сведения об общем положении населения края, его социально-экономической жизни, состоянии городов, ремесел, торговли и сельского хозяйства стран Южного Кавказа. Введение этих источников в научный оборот – настоятельная задача и потребность исторической науки на современном этапе.

*Г.С.Харатишвили
(ВФ СПбГУ)*

Первые грузинки – вольнослушательницы и студентки СПбГУ

В Центральном государственном историческом архиве, а также в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга хранятся дела студентов СПбГУ. Среди них нами были выявлены дела студенток и вольнослушательниц, грузинок по происхождению. Всего обнаружено 14 личных дел грузинок, подавших прошение зачислить вольнослушателями Петербургского университета в начале 20 в.

Приведем имена некоторых из первых грузинок, поступавших в СПбУ:

Лордкипанидзе Нина Петровна. Она дважды, в 1904 и 1905 гг., подавала документы на Юридический факультет университета, но не была принята.

Санкидзе Ольга Иисеевна – в 1906 г. была зачислена на Естественное отделение Физико-математического факультета. В 1912 г., прослушав курс наук (восемь семестров), установленных для группы по биологии, получила выпускное свидетельство о прослушании ею полного курса наук названного факультета.

Шенгелидзе Зинаида Всеволодовна – в 1906 г. была принята на Естественный факультет. Работала по специальной теме у профессора А.С.Догеля. Прослушала четыре семестра, внося за себя плату за обучение, но «циркуляром Министерства народного просвещения» она оказалась лишенной права слушать лекции. Вследствие этого она подает прошение на имя ректора «ходатайствовать перед Министерством о разрешении ей числиться слушательницей» университета. Однако, по-видимому, прошение не было удовлетворено, и летом 1910 г. она покончила жизнь самоубийством.

Маргвелашвили Мария Багратовна – 6 августа 1906 г. из Кутаиси отослала свои документы с просьбой зачислить на Юридический факультет, а 25 июля просит переслать все ее документы на «Высшие женские курсы».

Мхеидзе Варвара Александровна – после окончания Кутаисского женского училища Св.Нино прислала документы с просьбой зачислить

ее на Юридический факультет, однако ей было отказано. 20 ноября документы были отосланы назад в Кутаиси.

Чхеидзе Анна Ильинишна – после окончания Высших женских курсов в 1916 г. в 1917 г. поступила в Петроградский университет. После окончания университета профессор ТГУ А.И.Чхеидзе долгое время заведовала кафедрой Русской литературы Тбилисского педагогического института им. А.С.Пушкина.

Гогоберидзе Елена Давидовна – в 1910 г. окончила Кутаисское женское учебное заведение Св.Нино и была награждена золотым крестом. Еще один год она продолжила учебу в том же училище для специального изучения русского языка. В 1917 г. после окончания Высших женских курсов, она подала документы на Юридический факультет и была принята. В 1918 г. Е.В.Гогоберидзе получила свидетельство о сдаче государственных экзаменов по Историко-филологическому факультету.

Андроникова Елизавета Луарсабовна – в 1910 г. была зачислена на отделение Естествознания Физико-математического факультета, затем переведена на Химическое отделение. Вскоре она забрала свои документы для представления в Московский университет в связи с переездом в Москву.

В целом можно констатировать, что не все из вышеперечисленных лиц учились или окончили учебу в Петербургском/ Петроградском университете. Некоторые продолжили учебу на Высших женских курсах или в Московском университете. Судьбу других трудно определить по студенческим делам. Тем не менее, как представляется, приведенные выше сведения заслуживают внимания научной общественности.

Л.Г.Хрушкова

(ИФ МГУ; РГГУ, Москва)

*Католический миссионер Каstellи и его Записки
как источник по истории Западного Закавказья в XVII в.*

Дон Кристофоро Каstellи – итальянский монах ордена театинцев и художник. В 1631 г., в составе группы миссионеров, он прибыл в Грузию по заданию папы Урбана VIII. Каstellи провел в крае свыше 20 лет, преимущественно в западных провинциях (Гурия, Мегрелия, Имеретия). Его Отчет и Альбом (Relazione e Album), который содержит несколько сот рисунков, является ценным источником по истории Мегрелии и Абхазии эпохи конца средних веков. Оригинал документа хранится в Палермо (Biblioteca Comunale), незначительная часть рисунков опубликована в некоторых западноевропейских изданиях (М.

Tamarati, W. Allen, L. Khroushkova). Наиболее полное издание источника осуществил на грузинском языке Б. Гиоргадзе (1976). Российский читатель знаком с Кастелли благодаря немногочисленным и очень кратким публикациям научно-популярного характера (Хрушкова, 2003, и др.).

Записки Кастелли содержат множество сведений о религиозном и политическом состоянии региона, где христианство существовало с IV в., но который с середины XV в. находился под протекторатом оттоманской Турции. На рисунках представлены портреты исторических лиц (владелец Мегрелии князь Леван Дадияни и его жена, абхазский князь Сетеман Шервашидзе, католикос Закария Квариани, русские послы Толочанов и Евлев, иерусалимский архимандрит Николай Ирбах и др.), виды населенных пунктов, сельских жителей, сцены крещения детей, спортивных игр, изображения взрослых и детей, отправляемых в рабство в Турцию, и пр. Он сообщает о том, что в церквах Абхазии хранится множество икон из драгоценных металлов и реликвий, в том числе особенно почитаемая рука св. Стефана. Интересна карта с достаточно точным указанием населенных пунктов и рек. Рисовальщик охотно изображает и персонажей книжных, например, амазонок.

Свидетельства Кастелли подтверждаются и дополняются данными других источников эпохи. Антиохийский патриарх Макарий (Бейт Аззаим) совершил два путешествия в Россию (1654–1657, 1666–1668), первое из них – через Кавказ, где провел несколько месяцев в Мегрелии и Абхазии. Он пишет о структуре церковной организации, особенностях местной религиозной жизни и упадке христианства в крае. Не менее важен «статейный список» русских послов ко двору Левана II Дадияни (1611–1657), священника Захариева и переводчика Федота Елчина (1639–1640). Эти последние также сообщают о множестве икон и реликвий в местных церквах, о своеобразии местного почитания св. Георгия в церкви Илори и т.д.

Особый вопрос – изображение в Альбоме Кастелли известных памятников: церкви в Пицунде, Илори, набросок церкви в Дранде и др. Из них самый удачный рисунок – вид большой церкви в Пицунде, который позволяет судить о реальном состоянии этого важного памятника в то время.

Важность информации, которая содержится в Отчете Кристофоро Кастелли, делает необходимым более тщательное исследование этого источника.

3.А.Шахвердиев

(Нахичеванский ГУ, Азербайджан)

Административно-территориальное устройство и управленческая система Нахичеванского края в составе Российской империи

До русского завоевания Нахичеванское ханство, состоявшее из Нахичевани, Даралаяза и Азадчирана, входило в состав государства Каджаров. Другое Азербайджанское ханство – Эриванское состояло из 15 махалов. 26 октября 1827 года генерал Паскевич для управления бывшими Нахичеванскими и Эриванскими ханствами установил Временное управление. Впервые два ханства были объединены в одно временное управление.

Указом царя Николая I от 21 марта 1828 г. на основании Эриванского и Нахичеванского ханств была образована «Армянская область». Царское правительство 23 июня 1833 г. приняло Положение об устройстве управления «Армянской области». В административно-территориальном устройстве Эриванской области были сделаны изменения. Область была поделена на четыре округа: Эриванский, Шарурский, Сурмалинский и Сардарабадский. Нахичеванская область и Ордубадский округ оставались в прежнем административно-территориальном делении.

Царь Николай I указом от 14 декабря 1846 г. внес изменения в административно-управленческую систему Закавказья. Оно было поделено на четыре губернии: Тифлисскую, Кутаисскую, Шамахинскую и Дербентскую. 9 июня 1849 г. была образована Эриванская губерния. Вся бывшая «Армянская область» была включена во вновь образованную Эриванскую губернию. Губерния была поделена на пять уездов: Эриванский, Александропольский, Новобаязетский, Нахичеванский и Ордубадский.

На основании представления вновь назначенного заместника Михаила Николаевича царь Александр II 9 декабря 1867 г. издал указ об изменении управления Закавказским краем. По этому указу после семнадцатилетнего существования Ордубадский уезд был ликвидирован и объединен с Нахичеванским уездом. Шарурский участок был отделен от Эриванского уезда и присоединен к Нахичеванскому уезду.

Однако в уездах Эриванской губернии, в особенности в Нахичеванском уезде, обмен территориями на этом не закончился. Шарурско-Даралаязский уезд был образован на базе двух участков Нахичевани: Шарурского и Даралаязского. Этим, в основном, завершились многочисленные административно-территориальные преобразования исторической территории Нахичевани в составе Российской империи.

К.В.Юматов
(*Кемеровский ГУ*)

Нагорно-Карабахский конфликт в отражении официальной периодической печати ВЛКСМ в период перестройки (на материалах газеты «Комсомольская правда» и еженедельника «Собеседник»)

Периодическая печать периода перестройки в СССР является уникальным историческим источником. «Гласность», объявленная Михаилом Горбачевым, ослабление идеологического диктата КПСС позволили прессе свободно писать на самые острые темы.

Особый интерес журналистов вызывало развитие этноконфессиональных конфликтов на Кавказе, в Молдавии, Прибалтике, Ферганской долине и т.д. В качестве полигона для анализа нами использована газета «Комсомольская правда», являвшаяся официальным печатным изданием ЦК ВЛКСМ и приложение к ней – еженедельник «Собеседник». Официальные печатные органы ВЛКСМ, выходявшие миллионными тиражами, в конце перестройки эти издания фактически стали рупором так называемой демократической оппозиции. Эта эволюция комсомольских изданий тем более интересна тем, что в большой мере она отражала эволюцию большей части советского общества. Этот комплекс источников по истории этноконфессиональных конфликтов на Кавказе может иметь серьезное значение.

Во-первых, как официальные органы ЦК ВЛКСМ до конца 80-х годов данные издания отражали официальную политику и официальные представления коммунистического руководства СССР. В то же время, как издания, направленные на молодежную целевую аудиторию, они лучше отражают роль молодежи и молодежных организаций в процессе конфликтов. Из-за этой же специфики они быстрее, чем партийная периодическая печать, эволюционировали в сторону либеральных взглядов. Таким образом, анализ информации данных СМИ позволяет не только восстановить исторические факты, но и отследить эволюцию политики государства и общественного мнения.

Во-вторых, в условиях жесткого противостояния армянской и азербайджанской прессы всесоюзные издания обеспечивали внешний взгляд на ситуацию.

В-третьих, необходимо отметить, что СМИ не только отражали историческую ситуацию, они ее формировали. И изучение феномена влияния СМИ на развитие конфликтов тоже необходимо.